

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

**БОЕВОЙ
ВИРУС**

Спецназ

Сергей Зверев

Боевой вирус

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Боевой вирус / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Спецназ)

Спецслужбы США готовят провокацию, цель которой – уличить Иран в производстве бактериологического оружия. Американцы хотят дискредитировать руководство Исламской Республики в глазах мирового сообщества и таким образом развязать себе руки в борьбе с «агрессивным и крайне опасным врагом». В Иран с караваном контрабандистов отправляется агент ЦРУ. Его задача – рассеять вещество, содержащее бациллы сибирской язвы, около одной из химических лабораторий и имитировать утечку. Но добраться до места назначения агенту не удастся: на одном из горных перевалов караван попадает в засаду. В живых не остается никого, а контейнер с сибирской язвой бесследно исчезает...

Содержание

Пролог	5
Урочище Сеттижук в юго-восточных отрогах хребта Копетдаг на границе трех государств: Ирана, Афганистана и Туркменистана. За полгода до описываемых событий	5
Глава 1	8
Центральное разведывательное управление США, Лэнгли, штат Вирджиния. Отдел стратегического планирования	8
Москва. В это же время	11
Глава 2	15
Спустя примерно месяц...	20
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Боевой вирус

Пролог

Урочище Сеттижук в юго-восточных отрогах хребта Копетдаг на границе трех государств: Ирана, Афганистана и Туркменистана. За полгода до описываемых событий

Засада на горном перевале была организована по хорошо отработанному сценарию. Это, можно сказать, был беспроектный вариант. Древняя тропа отчаянных контрабандистов, которая последний десяток километров причудливо петляла, огибая частые разломы в скальных породах, неуклонно поднимаясь к пикам невысоких, по местным меркам, гор, на этом участке выходила на край темного ущелья с резко обрывающимися на многометровую глубину крутыми склонами.

Еще сотня-другая метров – и начнется благословенный, хотя и некороткий, пологий спуск к мутным стремительным водам бешеной горной речушки, которая здесь наконец-то вырывалась из суровых каменных тисков и блаженно растекалась по живописному простору зеленой долины вполне миролюбивыми ручейками.

Оставался последний, но самый трудный и опасный участок. Справа – вертикальная стена, нависающая громадой, слева – обрыв. А под ногами – покрытая щебнем тропа, шириной чуть более метра, и небольшая, почти идеально круглая площадка впереди.

На эту площадку и ступили копыта лошади, замыкающей небольшой караван, когда раздалась первые гулкие выстрелы. Огонь велся одновременно с нескольких позиций. Укрывшись за камнями, стрелки в считанные секунды выкосили почти половину отряда сопровождения, вынудили остальных сгруппироваться у дальнего конца площадки, защищенного нешироким вертикальным уступом.

Это место, на первый взгляд, казалось единственным островком относительной безопасности в океане грохота многократно отраженных чутким горным эхом выстрелов, ледящего душу свиста пуль и визгливых рикошетов множества скальных обломков, опасных не менее, чем породившие их кусочки свинца. На самом деле площадка являла собой идеальную ловушку. Находившиеся на ней люди были практически обречены. Они оказались отрезаны от обеих спасительных троп. Нападавшие, без сомнения, позаботились надежно перекрыть их кинжальным огнем. Контрабандисты ожесточенно отстреливались, сознавая, что надеяться можно лишь на чудо...

За ходом этого скоротечного боя внимательно наблюдал в бинокль одинокий человек. Он комфортно расположился за округлым камнем на небольшом гранитном выступе, метров на пятнадцать выше «кровавой арены» и чуть в стороне, на соседнем склоне. С головы до ног человек был заматан в бесформенный маскировочный плащ. Лоб прикрывал низко надвинутый капюшон, а нижняя часть лица пряталась в складках широкого пятнистого шарфа.

Вот человек насторожился и сосредоточил свой взгляд на ему одному ведомой точке. Что-то происходило не так! Действия контрабандистов были изначально предсказуемы: вначале – попытки спасти свой драгоценный груз, потом – страх за собственные жизни погонит их

на прорыв по одному из двух направлений: вперед или назад, – и, наконец, отчаянная решимость как можно дороже «продать» уже не принадлежащие им жизни.

Вместо этого вся пятерка сгрудилась в небольшой каменной нише, выставив стволы своих автоматов в разные стороны. Человек усмехнулся – глупцы! – ниша прекрасно простреливалась, и трагическая развязка была делом нескольких десятков секунд. Однако его бинокль был направлен на странную фигуру в центре всей композиции. Это был мужчина без оружия в походном костюме явно европейского типа. Все остальные закрывали его своими телами, бросив без защиты груз на спинах низкорослых лошадей и совершенно пренебрегая собственными жизнями.

Чуть помедлив, человек на склоне достал из-за спины небольшой боевой арбалет, выбрал из металлического пенала короткую стрелу с зеленым наконечником, тщательно прицелился и плавно нажал на спусковой крючок. И тут же снова прильнул к окулярам бинокля.

Стрела попала в левое плечо мужчины. Он резко дернулся от неожиданной боли, недоуменно уставился на цветное оперение стрелы и тут же инстинктивно вздернул к месту ранения правую руку. Теперь-то и стало видно, что в руке у него находился никелированный чемоданчик, прикованный короткой цепочкой к запястью... Человек с биноклем удовлетворенно хмыкнул, вытащил из складок одежды мобильную рацию и негромко произнес несколько фраз на гортанном уйгурском наречии. Выстрелы нападавших затихли через пару секунд.

Однако за это время на площадке произошло что-то и вовсе непонятное и необъяснимое. Человек на карнизе четко увидел все происходящее в свой бинокль. Попадание стрелы в «европейца» прошло совершенно не замеченным для всей оставшейся в живых четверки контрабандистов. Кроме одного! Ничем не отличавшийся внешне от своих товарищей, он, однако, не столько участвовал в бою, сколько наблюдал за мужчиной с кейсом. И, конечно, заметил впившуюся стрелу. Не более секунды ушло у него на осмысление произошедшего и принятие решения. После этого его нога взлетела высоко в воздух, и развернутой стопой он изо всех сил ударил в грудь «европейца», который неминуемо должен был сорваться с площадки в пропасть. Так бы и случилось, но воздетая вверх рука с чемоданчиком чуть изменила направление удара и слегка погасила его сокрушительную мощь. Мужчина лишь сильно качнулся назад и отступил на шаг, оказавшись на самом краю обрыва с воздетой вверх правой рукой. Но нападавший не дал ему ни секунды передышки. В следующее мгновение он выхватил огромный нож-тесак, хранившийся в ножнах между лопаток, и с размаху опустил его лезвие на поднятую руку с кейсом в районе локтя «европейца»... Хлынул фонтан крови, а никелированный чемоданчик вместе с цепочкой, наручником и обрубком руки исчез в темных глубинах бездонной пропасти...

Человек на соседнем карнизе схватился за рацию, но опоздал: безо всякой команды нападавшие открыли ураганный автоматный огонь, и в считанные мгновения с охраной каравана контрабандистов было покончено.

Человек с досадой выругался сквозь зубы и сильно стукнул кулаком по камню, едва не разбив вдребезги рацию. Затем он поднялся на ноги и смахнул с головы низко надвинутый капюшон. Густые, чуть выющиеся волосы иссиня-черным потоком упали на его плечи...

Женщина!

Пролетев несколько десятков метров, кейс ударился об острый выступ скалы, отлетел в сторону, ударился еще раз и еще... Вслед за ним летели щебень и камни, булыжники и целые обломки скальных пород. Этот камнепад нарастал и ускорялся по мере приближения ко дну ущелья.

Когда кейс неожиданно застрял, казалось, намертво, в узкой расщелине, тут же в его никелированный бок с размаху врезался обломок, по форме напоминавший нагрудную звезду

американского шерифа. Своими острыми углами он искорежил крышку, оставив несколько глубоких вмятин и разломов, и выбил чемоданчик из каменных тисков, как пробку из бутылки.

Большое облако пыли, поднятое спровоцированной лавиной, полностью закрыло дно узкой расщелины вместе с бурным горным потоком. Даже пристальный взгляд самого внимательного наблюдателя не смог бы отыскать теперь в возникшем хаотическом нагромождении обломков некогда аккуратный и элегантный никелированный кейс с цепочкой.

Лежа под многотонным каменным прессом, он больше походил на маленький лист грязной, использованной промокашки. Один его угол был глубоко вмят внутрь, а вдоль образовавшейся с другой стороны длинной трещины проступали бурые капли сочившейся изнутри какой-то жидкости. Капли набухали, сливались друг с другом и узенькой верткой струйкой устремлялись вниз, к буйным водам строптивой горной речки...

Глава 1

Центральное разведывательное управление США, Лэнгли, штат Вирджиния. Отдел стратегического планирования

– Ричард! Какого черта самовольничаете?! Если вам поручили проведение операции «Тихий шелест» – Господи, ну и название! – это вовсе не означает, что вы имеете право игнорировать наработки и рекомендации других отделов. Как вы могли воспользоваться таким сомнительным каналом проникновения?!

Высокий худой мужчина в строгом темном костюме и бордовом галстуке был просто взбешен. Он не присел в предложенное кресло, а остался стоять в метре от небольшого прямоугольного стола, за которым расположился хозяин кабинета.

– Во-первых, Стив, успокойтесь. И, пожалуйста, присядьте. – Ричард Стоун взглядом проследил, как его нервный собеседник, чуть поостыв, устраивает свое длинное костлявое тело в неудобном «присутственном» кресле. Затем продолжил: – Я отнюдь не пренебрегал ничьими наработками и рекомендациями. А канал этот был выбран как раз исходя из его незаметности и редкого использования. Ведь одним из главных условий проникновения была максимальная скрытность. Никто не мог предположить...

Худой мужчина порывисто дернулся, пытаясь снова встать, и уже раскрыл рот, чтобы обрушить на собеседника новый шквал замечаний. Ни то, ни другое ему не удалось: Стоун предупреждающе поднял ладонь и чуть повысил голос, добавив строгости и значительности:

– Директор в курсе всех произошедших событий! И разделяет мое мнение об обстоятельствах форс-мажора...

– Может быть, директор ознакомлен не со всеми вопиющими последствиями? – едко ввернул Стив.

Стоун чуть усмехнулся:

– Я ни секунды не сомневаюсь, что вы достаточно оперативно и полно его проинформировали. – На лице собеседника появилось выражение некоего довольства. – Только я не стал бы на вашем месте очень уж усердствовать. – Брови Стива недоуменно поползли на лоб. – Да-да, я только что получил по телефону некоторые уточнения лично от директора по поводу завершения, – хозяин кабинета особенно подчеркнул это слово, – операции.

– Я ничего не знаю! Меня никто не информировал...

– Это произошло только что, – примиряюще продолжил Стоун. – Так вот, именно на вас возложено обеспечение полной секретности проекта на всех уровнях, – Стив Гольдин, глава Центра по нераспространению оружия массового уничтожения, гордо выпрямился в кресле, но тут же сдвинулся, дослушав фразу до конца, – а я возглавляю операцию в целом.

Ричард Стоун, словно подводя итог сказанному, положил на стол обе ладони.

– А теперь, Стив, я уточню некоторые нюансы прошедшей операции, которые, возможно, – Стоун криво усмехнулся, – оказались обойдены вашим пристальным вниманием. Ведь теперь нам предстоит работать вместе. Ну, а вы поделитесь со мной известными только вам «пикантными» подробностями. Контроль и зачистку проводили именно ваши люди, так?

Гольдин молча кивнул. Это было уже похоже на приказ начальника, и он не рискнул продолжить пререкания, хотя и находился с хозяином кабинета на одной ступени иерархической лестницы. Просто приготовился внимательно слушать руководителя Центра тайных операций.

– Итак, для доставки на территорию был выбран препарат SU-26 как наиболее распространенный к производству в большинстве биологических лабораторий мира. Было решено отказаться

от индивидуальной доставки, а воспользоваться существующими подконтрольными нам каналами наркотрафика. Причем выбрали тот, которым практически не пользовались весьма продолжительное время. С организацией каравана и внедрением туда нашего агента с препаратом и соответствующей легендой никаких неожиданностей не возникло. Для дополнительной подстраховки, кроме чисто технических предосторожностей – механизмы антивскрытия и самоликвидации, – мы учли и, так сказать, человеческий фактор. Привлекли к операции действующего в цепочках наркотрафика в этом регионе двойного агента. Ему удалось заранее внедриться в состав охраны каравана. Его заданием был постоянный контроль и охрана основного агента, доставляющего препарат. В экстренном случае он должен был принять все меры, чтобы ни наш секретный груз, ни сам основной агент не попали в чужие руки.

Стоун перевел дух и отпил глоток воды из высокого стакана. Гольдин молчал.

– Нам неизвестны подробности произошедшего, так как не осталось ни одного живого свидетеля. Можно только предполагать, что наш двойной агент выполнил свое задание...

Стив неопределенно хмыкнул:

– Моя группа зачистки действительно не обнаружила на пути каравана никаких следов вашего агента, хотя признаки нападения неустановленной вооруженной группы налицо: кровь, отстреленные боеприпасы... Но трупов нет. Вероятно, они были сброшены на дно ущелья. А вот «драгоценный» груз «всплыл». – Гольдин демонстративно хохотнул. – Причем в прямом смысле слова.

Теперь уже хозяин кабинета недовольно перебил:

– Я ознакомлен с отчетом вашей группы. У вас есть еще что-то?

Пожав плечами, собеседник изрек:

– Разве что некоторые мысли.

– Ну-ну!

– Нам, безусловно, на руку, что сейчас уже невозможно установить какую бы то ни было связь между разбойным нападением на контрабандный караван на горном перевале с трагедией в кишлаке, расположенном в нескольких десятках километров, на краю горной долины.

– Ваши люди посетили кишлак?

Стив замялся на секунду:

– Н... нет. – И с горячностью начал объяснять: – У них не было защитных костюмов! И никаких противовирусных препаратов! Мы бы потеряли всю группу, если бы сунулись туда. У командира хватило ума вести визуальное наблюдение с безопасного расстояния. Там еще оставались живые. Но пока вызывали спецотряд, пока организовывали его подготовку, экипировку и доставку... Короче, совершенно непонятно, откуда там появились местные спасатели.

– Я тоже усматриваю в этом определенную странность. Никаких связей с внешним миром, кроме пешеходной тропы через горы, кишлак не имел. Из него никто не выходил, это ваши люди гарантируют. – Гольдин согласно закивал. – А два вертолета спасателей все-таки появились. Причем с защитными костюмами и спецоборудованием.

– Да, Ричард, это так. Кишлак маленький, всего несколько юрт. О его существовании вряд ли вообще знали в администрации этого района. А прибывшие на вертолетах оказались не обыкновенными спасателями! Они за несколько часов провели самые... э... жесткие противовирусные мероприятия. Это профессионалы. Мои люди докладывают, что в вертолеты они погрузили только одного человека из пострадавших. Точнее, его тело. Все остальные полтора десятка трупов были уничтожены на месте, как и весь скот, домашние животные, жилые и подсобные постройки... Сожжено!

– Логично, логично, – пробормотал шеф тайных операций, – для исследований и одного тела вполне достаточно. Послушайте, Стив, этими событиями занимается теперь другое подразделение. Отчеты об их работе будут поступать ко мне безотлагательно, чтобы по ходу мы могли вносить необходимые коррективы в свою работу. А главная задача – это в кратчайшие

сроки подготовить и осуществить запасной вариант операции «Тихий шелест». У нас с вами катастрофически мало времени. Поэтому давайте приступим...

Москва. В это же время

Герман Талеев шел по улице легким прогулочным шагом. В такой жаркий июльский день свободный от работы народ устремился в парки и скверы, поближе к травянистым газонам, зелени деревьев и кустов и, конечно, к водной глади прудов и брызгам освежающих городских фонтанов. Стиснутые каменными стенами домов узкие улочки этого старого района Москвы оказались практически безлюдными.

Талеев являл собой идеальный объект для слежки, но здесь он и сам мог заметить любого навязчивого наблюдателя. А учитывая немалый практический опыт Германа в этом вопросе, преимущество было все-таки на его стороне.

Но пока ничего тревожного не происходило. За молодым, светловолосым, симпатичным мужчиной, одетым в модные кофейного цвета слаксы, рубашку polo и коричневые замшевые туфли, никто не пытался следить ни из-за занавески окна, ни из-за тонированных стекол припаркованных вдоль тротуара автомобилей. Ведь по улице шел известный российский журналист, много лет освещавший сложнейшие перипетии национальной политики, все непростые взаимоотношения российского руководства. Он был вхож практически в любой кабинет Кремля. Ему не отказывали в эксклюзивных интервью первые лица государства, его благосклонным вниманием стремились заручиться молодые политики и министры.

Редкие прохожие и предположить не могли, что у известного журналиста есть второе лицо и что с залитого солнцем проезда в тихий внутренний дворик сворачивает руководитель самого, пожалуй, секретного подразделения в стране – Команды, подчиняющейся двум лицам в государстве. Первый – это Президент РФ, второй – Куратор, осуществляющий контакты непосредственно с Талеевым, определяющий – по прямому указанию Президента – задания для Команды и обеспечивающий максимальную материальную и документальную поддержку. Поэтому штатная должность Куратора Команды переходила от одного человека к другому вместе с официальной должностью помощника Президента России.

Это был третий по счету Куратор. Первый проработал всего несколько месяцев и не запомнился Талееву. Со вторым – Алексахиним – Команда сотрудничала несколько лет. С ним у Германа установились даже приятельские отношения, и, если бы не трагические обстоятельства, приведшие к самоубийству Алексахина... Да что вспоминать!

А вот с нынешним, третьим по счету Куратором Команды и помощником Президента, отношения никак не складывались, несмотря на четыре совместно проведенные значительные операции. Скорее всего причины тому крылись в неумном желании вновь назначенного Помощника вмешиваться в дела Команды, даже руководить ее действиями. А это было категорически неприемлемо.

Команда была абсолютно самостоятельным организмом. В ее состав входили в разное время не более дюжины постоянных членов. Каждый был уникальным профессионалом, способным самостоятельно решать не только тактические, но и стратегические задачи. При необходимости Команда могла привлекать для выполнения своих операций специалистов из ФСБ, МВД, ГРУ... Их использовали, как правило, втемную. Вот такие привлечения и должен был обеспечивать Куратор, пользуясь своими огромными правами и возможностями. Он обеспечивал Команде любые официальные документы, а также необходимые технику и оборудование. Но в планирование, подготовку и проведение своих акций Команда не позволяла вмешиваться никому! Так было заведено изначально, с первых дней создания спецподразделения.

Команда была, можно сказать, личным тайным резервом Президента в тех случаях, когда обстоятельства не позволяли привлекать ни одну другую государственную структуру. То ли по причинам политического характера, то ли по моральным или этическим соображениям.

Герман Талеев – шеф, босс, патрон Команды и даже ее фельдмаршал – пересек по диагонали детскую площадку и с видом бесцельно прогуливающегося зеваки подошел к нужному подъезду. Он еще раз привычно «проверился» и шагнул внутрь. На третьем этаже в секретной явочной квартире его уже дожидался Куратор. Встреча была экстренной, инициировалась самим Помощником. Талеев понимал, о чем пойдет речь...

– ...Я не стану спрашивать, господин Талеев, откуда вы получили столь... э... точные сведения о контрабандном грузе, который должен проследовать через границу. Но известные вам подробности о событиях на горном перевале Сеттижук просто поражают. Поэтому вполне естественно, что они заинтересовали и меня. Оказалось, что все, – Куратор назидательно поднял вверх указательный палец, – гораздо серьезнее, чем могло показаться на первый взгляд. Я активизировал нашу агентуру в том регионе и получил возможность контролировать события онлайн, так сказать...

«Я, Я, Я... – раздраженно подумал Талеев. – Высокая должность не прибавляет скромности? Зато явно обостряются заложенные от рождения комплексы».

– ...Поэтому как раз наша группа первой вышла на небольшой кишлак в двух десятках километров от перевала. Все жители оказались заражены вирусом! Причем восемь из них уже умерли к тому времени. Жаль, но оставшиеся семь человек тоже были обречены. Мы немедленно поставили в известность местные власти, разумеется, не раскрываясь, однако время было уже упущено...

Помощник Президента прошелся по кабинету, остановился у плотно зашторенного окна и пристально посмотрел на бесстрастное лицо расположившегося в кресле Талеева.

– Отдаю должное вашему самообладанию. Но, думаю, что и его не хватит, когда вы узнаете результаты мероприятий, осуществленных нашей группой на месте.

«Хорошо, что не «моей группой»! Аплодисментов от меня ты все равно не дождешься. А вообще, давно бы так».

– Благодаря отличному оборудованию, которое имелось в группе, удалось установить, что вирус, поразивший кишлак, сибирская язва!

«Черт побери! Да тут любой потеряет самообладание. Ну, Гюльчатай, куда же ты на этот раз вляпалась?!»

– Вижу, что вас это удивило. Дальнейшие исследования позволили установить, что способ заражения – водный. С такими данными было нетрудно проследить путь до местной горной речки, а по ней – до той точки в ущелье, где произошло нападение на наркокараван. В вашем докладе упоминался небольшой горный обвал. Он-то и не позволил отыскать материальные подтверждения. Ну, например, в виде какого-нибудь контейнера. Зато наши люди вывезли из кишлака одного зараженного. Точнее, его труп, который затем досконально исследовали в стационарных условиях... – Куратор присел на стул и, побарабанив пальцами по крышке круглого стола, продолжил: – ...и определили даже разновидность штамма, вызвавшего заражение. Он оказался очень хорошо знаком нашим специалистам. А знаете, почему?

На этот раз Помощник дождался еле заметного пожатия плечами от своего собеседника и удовлетворенно объяснил:

– Такой разновидностью вируса сибирской язвы усиленно занимались еще в Советском Союзе! – Он мельком глянул на свои наручные часы, свел брови к переносице и продолжил предельно деловым тоном: – Одна из крупнейших лабораторий СССР располагалась в Казахстане. Понятно, что во времена распада Державы ее работа была практически свернута. Однако в нулевые годы закрытый завод в Степногорске реанимировали. И сейчас это крупный исследовательский центр, функционирующий по общей программе с американцами. Ну, разумеется, на их деньги.

– А ведь исследовательский центр совсем недалеко расположен... – Талеев, не договорив, задумчиво смолк. Это вообще были его первые слова за все время беседы с Куратором.

– Да, вы правы. – Теперь помощник Президента явно торопился. – Наши эксперты сделали аналогичный вывод. И задались вопросом: какие конечные цели могла преследовать операция с доставкой куда-либо такого смертельно опасного продукта столь... э... экстравагантным способом? Извините, господин Талеев, у меня очень мало времени. Поэтому я опущу длинную цепочку логических построений, которая учитывала множество самых разнообразных факторов, включая политическую обстановку в регионе, конкретную заинтересованность основных предполагаемых участников этой дьявольской игры и оперативные донесения десятка наших агентов. В итоге вырисовывается следующая, весьма тревожная картина. – Куратор вновь автоматически взглянул на часы. – Вы знаете, какой степени неприязни – и это еще очень мягко сказано! – достигли взаимоотношения Ирана и Израиля. Здесь впору говорить о реальной подготовке к ведению полномасштабных боевых действий. Однако такую войну одному Израилю не осилить. Нужна не только политическая поддержка Западного мира, но и вполне реальная военная помощь главного сторонника – США. А главное, для этого нужен очень весомый предлог. Евреи, ссылаясь на данные своей разведки, уже неоднократно заявляли на весь мир: Иран тайно производит и накапливает химическое и бактериологическое оружие. Однако американцы уже обожглись на Ираке. Тогда они не смогли представить мировой общественности конкретные факты, бесспорно, подтверждающие наличие там подобного запрещенного оружия. Теперь не хотят рисковать второй раз своей репутацией. Им нужны не просто донесения, а железные факты. А что, по-вашему, может послужить таковыми?

Куратор, уперев ладони в колени, склонился совсем близко к Талееву и терпеливо ждал. Герман ответил почти через минуту:

– Если кому-то позарез нужно где-то найти фактические подтверждения чего-то, то единственно надежный способ – это самое «чего-то» туда заранее подложить.

Лишь на мгновение в глазах Помощника мелькнуло разочарование, и тут же он демонстративно зааплодировал:

– Браво, Талеев, браво! Идеальное попадание. Ваш контрабандистский караван как раз и доставлял это «чего-то»! Объем биооружия в кейсе был явно недостаточен для масштабного теракта. А вот чтобы распылить или разлить его в окрестностях какого-нибудь соответствующего объекта... И такой объект как на блюдечке: исследовательская биолaborатория неподалеку от иранского города Дамган. А дальше по накатанным рельсам: шумиха в мировой прессе, привлечение общественного мнения, организация крупномасштабных проверок... И неотвратимая находка! Ни у кого в мире не останется ни малейших сомнений в дикой кровожадности иранских фундаменталистов. Потом... даже говорить не хочется! С Президентом мы этот вопрос обсудили и пришли к единому мнению, что никакой вариант из этого «потом» Россию не устраивает, кроме, пожалуй, одного: «вещественные доказательства тайной преступной деятельности Ирана» ни в коем случае не должны быть найдены.

На лбу Куратора выступили капельки пота, которые он просто смахнул рукой. Потом закончил тихо:

– Даже, если они реально существуют. А уж про подброшенные и говорить нечего. В общем, Президент принял решение привлечь к этому делу Команду...

«Ну, разумеется, не ты!»

– ...поэтому мне бы хотелось, – Помощник слегка замялся, – услышать ваши конкретные предложения.

«Раз ты стал такой предупредительный, похоже, что Президент напомнил-таки об особом статусе Команды».

– Вряд ли прямо сейчас я могу сказать что-то определенное.

– Конечно-конечно. Я понимаю, что потребуется время для анализа обстановки и выработки приемлемого плана. Только прошу учитывать и прогноз, который выдали наши аналитики: чтобы вновь организовать прерванную таким... э... неожиданным образом операцию, нашим противникам потребуется примерно полгода. Или чуть больше. Если, конечно, они не откажутся от своего намерения.

«Вот уж это совсем нереально!» – подумал Талеев, кивнул и, поднимаясь с кресла, заключил:

– Думаю, что через два-три дня смогу представить «приемлемый план».

– Отлично! До связи, господин Талеев.

Куратор протянул руку для прощального пожатия. Потом развернулся и, не оборачиваясь больше, вышел во вторую дверь из комнаты, плотно притворив ее за собой. Талеев не сомневался, что в смежном помещении его дожидалась личная охрана. Точно знал, что из второй комнаты путь ведет в соседнюю квартиру, а далее в подъезд, выходящий на другую улицу.

Не спеша закурил, внимательно оглядел зеленый дворик сквозь небольшой просвет в плотных шторах и лишь потом покинул явочную квартиру. Времени у него было в обрез.

Глава 2

– Значит, все-таки Грузия, – задумчиво констатировал Талеев.

Впрочем, сейчас, на второй день горячих многочасовых обсуждений в этой задумчивости не было уже и следа неуверенности или сомнений. Вчетвером – это был весь «личный состав» талеевской группы – они просчитали вероятные ответные ходы противника. Второй раз наступать на те же грабли он не станет, но и от привычной ему тактики максимально использовать «чужие руки» для достижения своих целей не откажется. А при «засвеченном» казахском варианте единственной альтернативой остается новый преданный союзник в этом регионе – Грузия.

По своим каналам Талеев выяснил, что на ее территории имеется идентичный объект, откуда противник может – с очень большой степенью вероятности – осуществить повторную попытку. Это место по своим параметрам подходило даже больше, чем исследовательский центр в Степногорске. Что помешало сразу использовать именно его? Пожалуй, то, что на момент планирования и разработки операции некоторые программы на этом объекте не были до конца завершены, потому что его окончательное строительство закончилось лишь в 2009 году. Это так называемая Реферальная лаборатория общественного здравоохранения в поселке Алексеевка близ Тбилиси. США вложили в нее 100 миллионов долларов и усиленно занимаются теперь исследованиями биооружия по совместной программе. Кстати, программа аналогична степногорской.

В Команде понимали, что бесполезно рыскать по огромной территории Ирана с тщетной надеждой обнаружить тайно доставленные туда образцы биологического оружия. Надо было перекрыть или взять под контроль канал его доставки. Легко сказать! Чудесное везение могло приключиться один раз на перевале Сеттижук.

Теперь следует обнаружить «посылку», так сказать, по месту ее производства. Значит, надо внедрить в это самое место своего человека. Вот тут-то и возникли, казалось, непреодолимые трудности...

– ...Да, ребята, – Герман произнес именно эти слова, хотя, кроме троих мужчин, в комнате присутствовала и одна девушка, – как-то не вписываются ваши милые простодушные физиономии в устоявшиеся стереотипы «лиц кавказской национальности».

Тридцатипятилетний мужчина крепкого телосложения, но необычайно гибкий и подвижный, озабоченно ощупал ладонью свою «милую физиономию»:

– Странно. У меня даже несколько раз на улице документы проверяли.

– Вадик, не потому, что у тебя гордый кавказский профиль, а оттого, что ты очень похож на фотороботы всех разыскиваемых в стране опасных преступников и террористов!

Это произнесла мелодичным грудным голосом как раз единственная девушка в компании и кокетливо поправила рукой чуть выбившуюся прядь длинных черных волос.

– Язва! – беззлобно констатировал Вадим. – О, командир! Давай ее и зашлем! Хотя... там ведь нужна тонкая работа, а наша милейшая Гюльчатай, – он послал девушке воздушный поцелуй, – это же дьявол в женском облике. Нет, пусть уж лучше продолжает громить наркокараваны и отстреливать одиозных террористов.

– А ты не забыл, милый, что, если бы не «мои наркокараваны», мы бы ничего не узнали о готовящейся диверсии?

– Подумаешь, случайно оказалась в нужное время в нужном месте! А теперь отойди, женщина, дай мужчинам серьезно поработать.

– Брейк! – Талеев давно привык к их пикировкам и прекрасно знал, что любой из них, не задумываясь, отдаст жизнь за другого. – Да, по физическим параметрам Галчонок – самая подходящая из нас кандидатура.

– Во-во, обидно, но точно. В этой Грузии сейчас каждый русский – как Дед Мороз на африканской свадьбе! А уж в центре, который тайно производит секретное оружие... – Вадик обреченно покачал головой.

Из угла послышалось негромкое вежливое покашливание, и все повернули головы в сторону четвертого участника беседы. Примерно одного возраста с Вадимом, он обладал внешне-стью типичного прибалта. Что еще может прийти в голову при виде высокого худощавого человека с широкими плечами и почти белыми прямыми волосами, зачесанными набок? Особенно поражали его глаза: необычайно светлые и холодные, как две прозрачные льдинки в обрамлении длинных пушистых ресниц. Нос был чуть длинноват, тонкий и нервный, а еле заметная ямочка на подбородке придавала лицу мужественность. Виталий, но охотнее он отзывался на короткие Вит или Снайп.

– Насколько мне известно, никто из нас, включая и Галину, не владеет в совершенстве грузинским языком...

– Вах! Гамарджоба, генацвале!!! – тут же отреагировал Вадим, а девушка показала ему кулак: не мешай!

– ...поэтому, мне кажется, в нашем случае определяющим моментом должен стать способ внедрения, – добавил Виталий.

– Ну-ка, поясни! – попросил Талеев.

Немногословный Снайп и тут не изменил себе:

– На мой взгляд, прямое внедрение невозможно. Или крайне опасно. Поэтому наш агент должен легализоваться на каком-либо промежуточном объекте.

Он снова замолчал, явно не собираясь продолжать. Галя и Вадик недоуменно переглянулись и уставились на Талеева, который спросил:

– Так-так-так... легализоваться на промежуточном, говоришь? И лучше уже известного нам центра в Казахстане не найти.

Тут же встрепенулась Гюльчатай:

– Там я точно могла бы сойти за свою!

Такое заявление никто и не думал оспаривать. Друзьям была хорошо известна ее история.

Командир отряда советского спецназа Алексеев, возвращаясь с задания, подобрал в горах близ Талеевта истекающую кровью маленькую девочку. На десятки километров вокруг не было никакого человеческого жилья. Как попал в это место ребенок, навсегда останется тайной. Несмотря на крайнее истощение и огнестрельную рану в бок, девочку удалось доставить до военного лазарета на территории СССР, оказать там первую помощь, а затем переправить в Москву. Имя Галя, а заодно и прозвище Гюльчатай она получила еще в афганских горах, когда, прося пить, еле слышно шептала «Гю-иль». Там же получила и чудесный подарок судьбы в виде восемнадцати «приемных отцов», ровно по числу бойцов отряда. Воспитываясь в элитном детском доме, она ни на секунду не чувствовала себя одинокой: выходные, праздники, каникулы она с удовольствием проводила в семьях своих спасителей. А уж чему могут научить за полтора десятка лет закаленные бойцы спецназа ГРУ... Гюльчатай превосходно владела всеми видами огнестрельного и холодного оружия, была мастером восточных единоборств, водила все, способное передвигаться, включая вертолет и самолет... Да разве все перечислишь! За эти годы она превратилась в статную темноглазую красавицу с копной черных волос и неподражаемой природной грацией уроженки южных гор. Со временем проявились ее поразительные способности к языкам. Обучаясь в университете, она легко освоила арабский, таджикский, узбекский и туркменский, пушту, дари и фарси, плюс бесчисленное число говоров и диалектов...

– ...А вот грузинский плохо знаю! Но в Казахстане вполне могу сойти за природную уйгурку. Я не раз пользовалась некоторыми услугами их многочисленной общины там. Все безоговорочно принимали меня за местную.

– Возможно, возможно... – вроде бы согласился Талеев. Потом наткнулся на недоумевающий взгляд Алексеевой. – Нет, Галчонок, это я не в твоих способностях сомневаюсь, а заглядываю вперед. Вит подал отличную идею, и я собираюсь озаботить нашего Куратора... Да! – он отвечал на свои собственные мысли. – Какое-то время придется тебе, Гюльчатай, поработать в степногорском центре. И тут появляются две новые проблемы: во-первых, в каком качестве...

– Да уж, – не преминул хмыкнуть Вадик Аракчеев, – Менделеевым здесь и не пахнет!

– При чем тут Менделеев?! – вспыхнула Галина. – Не одни же химики и биологи в центре работают. Есть бухгалтерия, связи с общественностью, реклама, наконец. А врачи? Я, между прочим, дипломированный психолог!

– Ага. Есть еще дворники, официантки, уборщицы... О! Им там случайно трижды дипломированная «чистильщица» не требуется?

– ...а во-вторых... – повысил голос Талеев, прерывая разгорающийся спор подчиненных, – ...во-вторых, ты уверена, что там никто не опознает тебя как Анахит? Все-таки твой, так сказать, регион.

Гюльчатай чуть заметно улыбнулась:

– Анахит, командир, – это древнеиранский миф о неотвратимом кровавом возмездии. Все эти годы в Европе, на Ближнем, Среднем и даже Дальнем Востоке я старалась соответствовать... Я всегда была разной. И к тому же Степногорск – где-то на северо-востоке Казахстана, вдали от моих «охотничьих троп».

С ней никто и не пытался спорить. Благодаря своим природным данным Гюльчатай лучше, чем кто-либо, выполняла задания в Юго-Восточном регионе. Она сумела внедриться в крупные террористические группировки «Аль-Каиды» и «Хезболла», состояла в руководящем звене Рабочей партии Курдистана, организации «Аль-Джихад» и «Уйгурском Революционном фронте Восточного Туркестана», имела контакты и в Европе с «Красными бригадами», «Серыми волками» и даже в ИРА. Кодовое имя неукротимой воительницы Анахит было известно от Атлантики до Тихого океана.

– Сдаюсь. – Талеев поднял руки. – По поводу твоей «профессии» мы решим с Куратором. И внедрим тебя в Степногорск совершенно официально. А потом, также официально, переберешься в Алексеевку. Там за тобой «приглядыт» Вит и Аракчеев. Сможешь использовать их как резервный канал связи, ну, и как тайную личную охрану. «Легенду» для ребят я сам подберу, есть задумки.

– Командир, а может, в Тбилиси цирк какой-нибудь имеется, а? Я бы не прочь стариной потряхнуть...

Лишь последние года полтора Вадик не выходил на большую арену. А до этого прекрасно совмещал свою службу в Команде с выступлениями на ведущих цирковых площадках страны с потрясающим номером «Дом летающих кинжалов».

– Но, кажется, Тбилисский цирк уже несколько лет закрыт на капитальный ремонт, – огорченно вспомнил он. – Ну, хоть в шапито какое, а?

– Тебе бы только в бедных девушек под куполом огромные тесаки метать! Не понимаю, как они вообще соглашаются идти в ассистенты к такому чудовищу? – сказала Галина.

Вадик мастерски изобразил лицом чудовище и громко прорычал:

– Любят!!!

– Мазохистки!

– Врешь! Я ни одну не обидел.

– А как насчет той, в Питерском цирке на Фонтанке, в которую ты запустил одновременно четыре кинжала с двух рук? Потом бедняге пришлось трико менять...

– Во-первых, это был вынужденный ход: сама знаешь, что на галерке сидел снайпер, и мне надо было его достать. Вот и пришлось в ускоренном порядке освобождать руки. А ведь как исполнено было, а?!

– Ладно, ладно. – Талеев в очередной раз не дал подчиненным отвлечься. – Предложение, конечно, стоящее, но я не хочу разделять тебя со Снайпом. Подберем вам что-нибудь парное, так сказать.

– А в Снайпа я бы с удовольствием стал метать боевые топоры, – мечтательно протянул Аракчеев.

– Ты лучше ножичком на кухне поработай. – Последнее слово Гюльчатай оставляла за собой. – Там овощи для салата не порезаны.

Напоминание о еде мгновенно всколыхнуло пустые мужские желудки. Отложив на следующий день нерешенные вопросы, друзья отправились на кухню.

Связавшись с Куратором по скайпу, Талеев четко и коротко изложил соображения, которые появились у Команды. Суть помощник Президента уловил сразу и попросил максимум двое суток, чтобы «утрясти проблемы» в Степногорске. Отношения России и Казахстана были вполне дружелюбными, и он не видел особых препятствий для выполнения талеевского «заказа».

Кроме того, Куратор связался с руководством СВР, ГРУ и ФСБ, чтобы получить максимум информации о наработках в сфере контроля над производством биологического оружия с конкретной направленностью на бывшие советские республики. В основном южные и юго-восточные. Но не ту информацию, которая регулярно ложилась на стол Президента в виде коротких, «гладко причесанных» донесений, а отчет о фактически предпринимаемых действиях и планируемых операциях в этом направлении.

Беседа была долгой и трудной. Когда это штатные «рыцари плаща и кинжала» добровольно делились своими секретами?! Даже на таком уровне... Но и у Куратора характер был железный и опыт: несколько лет нелегальной работы в Штатах, Мексике и Южной Америке, десятки тайных операций и акций.

Поэтому к следующему контакту с Талеевым ему было что сообщить. В штате персонала грузинской Реферальной лаборатории общественного здравоохранения находился осведомитель Третьего управления ГРУ МО РФ! Звали его Квели Чочуа. По-русски Коля. Родился в Тбилиси, потом семья переехала на территорию Абхазии в город Новый Афон. Оттуда Чочуа поступил в Бакинское военно-морское училище и по его окончании – распределился на Северный флот. Именно там, будучи начальником химической службы одной из субмарин, он и начал работать с Особым отделом на правах нештатного сотрудника. Ничего серьезного, так, ежемесячные отчеты о состоянии дел на «своей» подводной лодке. В таких «стукачах» недостатка никогда не было. Хотя лишь единицы из них потом привлекались на штатную работу. Разумеется, после обучения азам новой профессии в одном из секретных центров ГРУ.

Возможно, и Чочуа ожидала такая судьба, но случившаяся перестройка сломала все планы. Не было ни денег, ни перспектив. Он вмиг стал не нужен ни Особому отделу, ни вообще разваливавшемуся на глазах Советскому военно-морскому флоту. Его уволили в запас по сокращению штатов. Разумеется, никакой «гражданской» работы в северном городке подводников не было. И осталось бывшему офицеру попытать счастья на своей малой исторической родине – в отделившемся самостоятельном демократическом государстве Грузия. Кем только он не успел потрудиться, пока наконец пристроился дежурным химиком-лаборантом на городскую водонапорную станцию! Здесь исполнительного и дисциплинированного сотрудника заметили, оценили его высокие профессиональные знания и помогли устроиться в штат вновь открываемой Реферальной лаборатории.

Российские же спецслужбы случайно наткнулись на его фамилию, когда строящийся объект в Алексеевке серьезно их заинтересовал. Установили контакт с бывшим офицером-подводником и бывшим нештатным осведомителем Особого отдела. И быстро поняли, что для сколь-нибудь серьезной работы он абсолютно не годится ввиду своей полнейшей неподготовленности.

сти. Ну, разве что добросовестно и регулярно передавать по установленным каналам отчеты о повседневной работе «своей» химлаборатории. На том и остановились.

Теперь этот человек вполне мог оказаться полезным с чисто практической точки зрения для скорейшей адаптации Алексеевой в Реферальной лаборатории.

Хорошо хоть проблем с оружием и транспортом не возникало: на нескольких явках в грузинской столице и того и другого было предостаточно.

Спустя примерно месяц...

– Итак, господа тунеядцы! – громко произнес Талеев, входя в большую комнату и оглядываясь по сторонам. Ну, конечно, за столько времени вынужденного бездействия и томительного ожидания ребята дошли до ручки. Аракчеев, развалившись на диване и водрузив ноги в теплых шерстяных носках на хлипкий журнальный столик, с закрытыми глазами метал дротики в мишень, которую каким-то образом укрепил прямо на большем экране плазменной панели, висящей в углу на стене.

Он перевел взгляд в другой угол комнаты. Там за компьютером в наушниках сидел Снайп. Талеев подошел к нему со спины и заглянул через плечо.

«Та-а-к, дожили!»

Виталий глубоко сосредоточился не на какой-то многоуровневой, «навороченной» игре, требующей неотрывного внимания и прекрасной реакции. Он напряженно уставился в экран с расчерченной заготовкой под элементарные «крестики-нолики»!

– Домашний отпуск закончен! – Талеев нажал кнопку на клавиатуре, и монитор погас. – На сборы сутки, потом «чемодан – аэропорт – самолет». О билетах я позабочусь. День-другой проведете в Риге, оттуда напрямиком в Тбилиси...

Вадим резко сбросил ноги со стола:

– Галинка на связь вышла наконец-то?! Ну, слава богу!

– Да. Сообщение короткое: принята на работу в алексеевскую лабораторию переводом из Казахстана как специалист по связям с общественностью и по совместительству психолог. Думаю, однако, что ваша помощь или защита могут теперь ей понадобиться в любой момент.

Из-за компьютерного стола послышался ровный спокойный голос:

– Командир, ты сказал «...проведете в Риге...». То есть мы с Вадимом. А ты?

Талеев слегка замялся:

– Тут есть некоторые нюансы... В общем, мне закрыт въезд на территорию Грузии.

Аракчеев фыркнул:

– Когда это тебя останавливало?!

– После августовского конфликта 2008 года между Южной Осетией и Грузией меня там слишком хорошо знают. Не поможет никакая «легенда».

– Ты там официально был?

Талеев кивнул:

– Кроме репортажей и хроники, я опубликовал еще ряд аналитических статей, за которые, собственно, меня не только лишили визы, но и внесли в черные списки «Кровных врагов Сакартвело».

– Да, это серьезно.

– Даже в Москве потом с полгода разыскивали. Хорошо, что мы тогда на Шпицбергене работали.

– Ага! Так вот почему тебя из той проклятой вечной мерзлоты домой не тянуло, – быстро вспомнил Вадим.

– Так что, друзья, – Талеев дал понять, что не имеет смысла останавливаться на подробностях, – на мне останется функция координатора. Вы же в латышской столице покрутитесь денек в издательстве «Адамианис Уплебеби», чтобы вас на всякий случай смогли опознать как внештатных сотрудников, получите у моего знакомого подтверждающие документы...

– Командир! Не переживай. «Лабрит, палдиес, вису лабу...»

Вит усмехнулся:

– «Добрый день, спасибо, всего хорошего...» Вполне достаточный набор, чтобы сойти в Грузии за латыша.

– Вот и отлично! Я вообще буду молча таскать... ну, эту... треногу...

– Штатив.

– Во-во! А общаться с горячими грузинскими парнями будешь ты со своим расширенным лексиконом.

Снайп промолчал, а Талеев уже в который раз принялся наставлять подчиненных:

– Об общении – разумеется, кроме контактов, связанных с вашим заданием, – речь вообще не идет. Вы – свободные латышские журналисты. Хотя один – и русский, а другой – русскоговорящий. Бывает. В меру оппозиционные, специализация – права человека. Сотрудничаете с несколькими газетами и журналами. Продаете им репортажи, короткие статьи, фото-очерки. В «Адамианис Уплебеби» вам предложили сделать серию репортажей из братской Грузии. Деньги хорошие, вы согласились. И все! Прибыв на место, по рекомендации из Латвии, обратились в газету «Свободная Грузия». Она демократична, независима, оппозиционна, а главное, издается на русском языке! Там вас уже ожидают. Помогут разместиться, подскажут нюансы местного колорита... Дадите мне знать, когда «акклиматизируетесь». Старший – Виталий. Да-да! А для самых нетерпеливых повторяю: не бежать сломя голову за оружием! Воспользуются этой явкой лишь при реальной угрозе. Для них вы – полевые агенты центрального аппарата ФСБ...

– Ну, командир! – взмолился Аракчеев. – Все-все мы знаем. А с остальным разберемся на месте. Мадлобт! (Спасибо!) Нахвамбдис! (До свидания!) – Чрезвычайно довольный собой, Вадик обернулся к Снайпу: – Цавидет, генацвале (пойдемте, товарищ)... – он наморщил лоб, силясь вспомнить еще какую-нибудь подходящую грузинскую фразу, но махнул рукой, – ... собираться в путь.

Виталий слегка улыбнулся:

– Твой грузинский еще более ужасен, чем латышский. Хотя... в этом языке масса диалектов. В каждой местности говорят на своем: картлийский, кахетинский, имеретинский...

– Ну, значит, я их все по этикеткам на винных бутылках знаю! А «чачского» там нет? Их чача – препротивный самогончик, надо отметить. Угощался как-то.

– Да ты у нас гурман! Ладно, свободны. И... гаумарджос! (Будем здоровы!)

* * *

Тбилиси встретил друзей ослепительно сияющим солнцем, неправдоподобно синим небом и тридцатипятиградусной жарой. Никакого облегчения не принесла даже поездка в такси из аэропорта с полностью опущенными стеклами: воздух был раскален и никак не освежал. Ощущение было такое, словно в бане поставили мощный вентилятор. Ехали молча, водитель попался на удивление неразговорчивый, а недовольное ворчание Аракчеева было в зародыше остановлено строгим взглядом Снайпа.

В грузинской столице никто из друзей ни разу не был. Конечно, еще в Москве они прочитали и просмотрели кучу материалов об этом городе, досконально изучили его топографические карты и разобрали съемки со спутника. Но разве могут такие знания даже в малой степени сравниться с потрясающей «живой» панорамой одного из старейших, красивейших и своеобразных городов?! Поэтому внимание обоих путешественников оказалось неотрывно приковано к открывающимся за окнами машины видам, а дорога к центру Тбилиси показалась удивительно короткой.

Издательство газеты располагалось в юго-восточной части города, как раз на стыке его новых современных строений с древними стенами старейшего квартала Тбилиси – Абанотубани. На невысоком четырехэтажном здании со стеклянным фасадом друзья с трудом отыс-

кали небольшую указательную табличку с единственным словом, написанным по-грузински и повторенным ниже по-английски: «Издательство». И все. Даже без указания названия газеты!

В маленьком вестибюле прохаживался администратор-охранник, который окинул вошедших равнодушным взглядом и на вежливый вопрос Виталия, как отыскать нужного сотрудника издательства, неторопливо махнул рукой куда-то в сторону длинного узкого коридора, уходящего в глубь здания. При этом он не проронил ни слова и сразу вернулся к своим трехметровым прогулкам между кадкой с чахлой пальмой и застекленной будочкой дежурного. Пожав плечами, друзья отправились в указанном направлении.

Дверей было немного, некоторые оказались элементарно запертыми. Поэтому Вадик и Снайп быстро нашли помещение с полудюжиной оживленно галдящих мужчин. Как оказалось, это было именно то, что нужно. После первых же приветственных слов Виталия, произнесенных по-грузински, гвалт мгновенно стих, неожиданных гостей пристально оглядели все присутствующие, и лишь потом один из них проговорил по-русски практически без акцента:

– Так это вы – рижане?

Говоривший был высок, худ и черен.

– Да, что ты, генацвале?! Мы же прямиком из Куала-Лумпура по обмену опытом выращивания квадратных бананов из круглых семечек! Как успехи? – Аракчеев был в своем репертуаре, да еще и зол от непривычной жары.

Грузин ошарашенно поднял кустистые брови и приоткрыл рот, но быстро разобрался в ситуации, поддержал юмор:

– Извини, почтеннейший, не сразу узнал наших дорогих малазийских гостей! Слава богу, что погода у нас столь привычна вашим экваториальным организмам...

В этом месте Вадик чуть не задохнулся от возмущения, но мгновенно оценил сообразительность и чувство юмора собеседника и хмыкнул:

– Сработаемся!

После обоюдных горячих приветствий, витиеватых пожеланий доброго здоровья и церемонных представлений высокий грузин – его звали Гиви – отвел друзей в сторону, а прерванный их неожиданным появлением диспут продолжился с новой страстью.

– Не будем им мешать. – Он кивнул головой в сторону своих отчаянно жестикулирующих сослуживцев. – Проблемы, проблемы... Я уже подыскал для вас приличное место, чтобы разместиться. Тихое и без назойливых соседей...

– А еще, чтобы в теничке... – мечтательно протянул Вадим.

– Вах! Там вы можете целый день не увидеть солнца.

– А в вашем городе, кроме как на кладбище, такое встречается?

– Зачем так мрачно шутишь? Сейчас пойдем, и сами во всем убедитесь.

Гиви что-то гортанно прокричал товарищам, безнадежно махнул рукой и пригласил друзей к выходу. На улице он указал на фасад здания издательства:

– Вы обратили внимание, что на вывеске нет даже названия нашей газеты? А раньше было. – Он горестно вздохнул. – Специально новую заказали, чтобы в глаза не бросалось и не провоцировало...

– Достают? – поинтересовался Снайп.

Последовал еще один печальный вздох:

– Еще как! Последнее время совсем плохо стало. Наша газета всегда отличалась независимостью, оппозиционностью режиму Саакашвили. Да, мы не скрываем своих пророссийских настроений, активно выступаем против растущего американского присутствия в нашей стране, против НАТО. А когда полгода назад громко заявило о себе движение «Свободная Грузия», мы стали его официальным рупором.

– Ну, под крылом целого движения можно и вздохнуть спокойнее.

– Только не у нас в стране! Все наоборот: этот американский ставленник, – понятно, что Гиви имел в виду президента Саакашвили, – совсем распоясался. После совместных акций с «Данцави Сакартвело» («Защита Грузии») за отставку Президента на нас, как катком, наехали молодчики из откровенно националистических и нацистских организаций. Громили штаб-квартиру движения. Нас тоже зацепили.

– А полиция?

– Ха! Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что и там, и там руководят одни и те же люди. Пришлось снимать это новое помещение, маскироваться. Да вот и сейчас у нас заканчивает печататься свежий номер газеты, а споры, как вы заметили, достигли апогея. Дело в том, что в номере есть одна весьма острая статья как раз на тему коррупции в государственных органах. С «убийственными» фактами. Это – бомба! Так вот, незадолго до вашего появления к нам в редакцию позвонили и... как это сказать... предельно жестко потребовали снять эту статью из номера. Угрозы были очень нешуточные. И ведь как узнали-то о содержании еще не увидевшего свет материала?! Да и номер нашего служебного телефона новый, знают его только свои.

– А «крысы», генацвале, и бывают лишь среди своих.

– Неужели вы думаете... Ну, уж с этим-то мы в своем небольшом коллективе разберемся. – На миг лицо грузина стало суровым и жестким, но тут же его озарила широкая улыбка. – Ладно, не будем о грустном. Смотрите, мы уже почти пришли.

Действительно, за разговором время пролетело незаметно. Куда-то исчезли новые высотные дома вместе со всем современным интерьером, широкие асфальтированные улицы сменились на узкие проулки, уложенные брусчаткой. А нависающие над ними козырьки старинных деревянных балконов полностью перекрыли доступ прямых солнечных лучей. На улочках царил спокойный полумрак...

– Это и есть наш знаменитый Старый город, – гордо похвастался Гиви. – Если чуть пройти вперед, откроется чудесный вид на развалины цитадели Нарикала. А это уже вовсе IV–VI века... Но нам направо...

В этот момент громко прозвучал вызов мобильного, и Гиви вытащил из кармана фланелевых брюк трубку. Вырвавшийся из нее голос был отчетливо слышен и обоим друзьям. Он был наполнен растерянностью и тревогой. Неожиданно голос сорвался на крик и тут же смолк. Из микрофона доносились лишь неясные шумы и приглушенные вскрики. Даже смуглая кожа Гиви не могла скрыть проступившую на его щеках бледность. Он беспомощно огляделся:

– Там... в издательстве... на них напали...

Он еще раз огляделся и заметил невдалеке сидящего прямо на деревянных ступенях покосившегося крыльца древнего старика.

– Сейчас я попрошу этого почтенного аксакала отвести вас к приготовленному жилью, – затараторил Гиви. – Здесь близко. А мне надо бежать обратно.

Он уже развернулся, когда Аракчеев, переглянувшись с Виталием, сноровисто ухватил его за руку:

– Постой ты, торопыга! Побежим вместе.

– Генацвале, это не ваша война!

– Понимаешь, дорогой, – голос Аракчеева был проникновенным, – ты даже не представляешь, как, глядя на подобную несправедливость, закипела горячая латышская кровь в наших жилах!

Снайп подтверждающе кивнул.

– Мы с другом просто терпеть не можем этих... нацистов, во! Да и корпоративная взаимопомощь... Так что ноги в руки... – Вадим отмахнулся от немого вопроса грузина: некогда разъяснять идиомы. – Быстро возвращаемся в издательство. В него можно попасть со двора, через черный ход?

Гиви утвердительно кивнул, и все трое бегом устремились под горку в обратную сторону. Вадик на ходу недовольно бурчал себе под нос:

– А вот некоторые в Москве настаивали, что не стоит первым делом обзаводиться оружием. Эх, как далеки бывают порой начальники от нужд простого народа!

Уже подбегая к издательству с тыльной стороны, он поинтересовался у Снайпа:

– Разделимся?

Видимо, этот вопрос Виталий обдумал еще на бегу:

– Нет! Помещений немного, они все маленькие, даже холл. Лучше быстро и тихо «обработаем» вдвоем каждое.

Он вопросительно указал глазами на Гиви. Вадик все понял:

– Генацвале! Ты останешься снаружи. Обойдешь дом с фасада и спрячешься за кустами. Потом позвонишь в полицию и... будешь наблюдать. Для истории! – Подумав, добавил: – Хотя... Говоришь, одни и те же люди руководят? Ну, тогда сделай сначала несколько других звонков. Подключи СМИ: радио, независимое ТВ, прессу. Будут документальные свидетельства нападения, а полиция не сможет подтасовать факты. Ну, джер-джеробит! (Пока!)

В ответ грузин кивнул, поднял вверх сжатый кулак и произнес:

– Имеди махвс, мале шевхдебит!

Оставшись вдвоем с Витом, Аракчеев сокрушенно заметил:

– Надо же: такое и без запинки выговорить! Я, например, никогда не научусь. Кстати, о чем это он?

– Кажется, собрался еще раз с нами увидеться.

– Ну, это уж непременно!

Первым помещением, куда попали друзья через тяжелую металлическую дверь, была подсобка. Посередине стоял большой, во всю комнату, прямоугольный пластиковый стол. Вдоль стен расположились стеллажи, уставленные всякой всячиной: разнокалиберные емкости с краской, большие кипы газет, столярный и слесарный инструмент. Людей не было.

Однако не успели они сделать и несколько шагов, как входная дверь на противоположной стене распахнулась, и на пороге возник внушительных габаритов громила с бейсбольной битой в руке. Его силуэт был четко виден на фоне освещенного коридора за дверью. А вот ему понадобилось несколько секунд, чтобы дать глазам привыкнуть к царящему в подсобке полумраку: свет внутрь пробивался лишь через одно маленькое оконце под потолком. Эта задержка решила исход молниеносного поединка. Аракчеев, сильно оттолкнувшись ногами, прыгнул вперед через стол. Однако преодолевать эту преграду он вовсе не собирался. Длинный стол своим противоположным концом лишь метра на полтора не достигал «парадной» входной двери, где замер громила. Вадик летел вдоль стола. В полете он развернулся спиной к его скользкой поверхности и приземлился на нее, чуть не достигнув края. Ноги его были поджаты к животу, а тело сохранило уверенное и быстрое поступательное движение.

В этот момент несущийся на него «живой снаряд» заметил и бандит. Обеими руками он резко вознес биту над головой и... Это лишь усугубило ситуацию, потому что Аракчеев перемещался по гладкому столу быстрее, а незащищенный живот противника представлял собой замечательную цель. Уже соскальзывая со стола, Вадим резко распрямил ноги в коленях. Две обутые в модельные туфли стопы глубоко впечатались в живот громилы. От такого удара, несмотря на габариты и вес, того словно корова языком слизнула. Лишь из коридора донесся грохот удара центнера живой плоти о противоположную стену и шум от падения на кафельный пол.

Аракчеев приземлился на ноги и выглянул за дверь. Повезло: коридор, куда выходила подсобка, располагался в полуподвальном помещении, и громила забрел сюда в одиночку.

Вадик быстро втащил тело обратно и оглянулся на напарника. Тот показал большой палец, а вслух, покачивая головой, произнес:

– Циркач!

Друзья поднялись по короткой лестнице и осторожно выглянули в холл. Им многое стало понятно. Два бандита в туго облегающих накачанные торсы черных майках вытаскивали в холл откуда-то из противоположного конца коридора кипы свежих газет, остро пахнувших краской. Вероятно, там располагалась типография. В стеклянной будке пожилой охранник сидел за столом, уронив голову на скрещенные руки. Его седые волосы на затылке были сплошь залиты кровью.

У самой входной двери замер на полу другой сотрудник издательства. Снайп запомнил этого курчавого парня еще в кабинете во время жаркого спора: его волосы были ярко-рыжими. Сейчас он не шевелился, разбросав по сторонам длинные ноги и уткнувшись лицом в пол.

Аракчеев скрипнул зубами. Из простой «хулиганки» дело превращалось в тяжкое уголовное преступление. По законам любой страны. Даже если оба мужчины в холле были еще живы. А из коридора, куда выходили двери кабинетов, доносились звуки падающей мебели, треск ломающегося дерева и человеческие вскрики. Надо было торопиться.

Виталий указал рукой на холл и вытянул два пальца по числу снующих туда-сюда бандитов. Потом сделал горизонтальный жест раскрытой ладонью, означающий «вырубить капитально». Аракчеев кивнул, преспокойно выступил из-за укрытия и, негромко насвистывая что-то, направился прямо навстречу одному из качков, возвращавшемуся из коридора с очередной кипой газет. Второго пока видно не было.

Этот бандит принял Вадима за одного из сотрудников издательства. Откинув газеты в сторону, он выхватил из-за спины каучуковую дубинку с рукоятью, которой пользуются местные полицейские, демонстративно описал ею несколько быстрых кругов в воздухе и, оскалив зубы, шагнул наперерез «обнаглевшему писаке».

Вадим, только теперь «заметив» угрозу, испуганно пригнулся, отступил на шаг назад и в сторону, даже присел слегка и забормотал что-то маловразумительное, но очень жалобное. Бандиту, видимо, понравилась подобная покорность. Он даже замедлил шаг и картинно напряг грудку своих мускулов, нагоняя страх на жертву. А потом громко прорычал какой-то приказ по-грузински: его, похоже, ввели в заблуждение темные волосы Аракчеева.

– Тебе чего, убогий? – негромко поинтересовался по-русски Вадик.

Если бы «качок» был чуть умнее, его бы наверняка насторожила чужая речь. Но он был слишком увлечен собственной персоной и откровенно наслаждался своим всевластием над панически испуганным человеком. Бандит не заметил ни опасного блеска в глазах предполагаемой жертвы, ни того, что, сместившись в сторону, Вадим открывал путь для притаившегося за углом Снайпа.

Виталий не медлил ни секунды. Сзади он обхватил могучую шею бандита правой рукой и начал медленно сдавливать захват.

«Ох, и здоровый же кабан! – подумал он, когда почувствовал, что сильная, тренированная шея в какой-то момент перестала поддаваться нажиму. – Так ведь и грыжу можно заработать».

На помощь пришел Аракчеев. Не раздумывая, он нанес удар в солнечное сплетение. Даже через удушающий захват из горла здоровяка с утробным шумом вырвался воздух, все мышцы тела мгновенно расслабились, и он тряпичной куклой опустился к ногам Снайпа.

Не сговариваясь, оба друга бросились к распахнутым дверям из холла в коридор – там вот-вот должен был показаться второй «носильщик газет» – и расположились по обе стороны входа. Ничего не подозревающий бандит успел сделать лишь один шаг из коридора, как был надолго обездвижен точным ударом Виталия: ребром ладони в основание черепа. Прятать тела

уже не имело смысла. Аракчеев и Снайп ринулись на шум борьбы, доносившийся из внутренних комнат. Теперь все должны были решить скорость и слаженность действий.

В первом слева помещении два отморозка самозабвенно крушили битами издательскую оргтехнику. Трое служащих плотной кучкой сидели в углу на полу и руками пытались защититься от носящихся в воздухе осколков стекла. Все они были до крови избиты, один бережно поддерживал, очевидно, искалеченную руку, а синюшная бледность лица и закрытые глаза другого свидетельствовали о серьезности полученной им травмы.

Разозленный таким варварством, всегда спокойный и уравновешенный, Виталий несколько раз ткнул одного из молодчиков лицом в разбитую им приборную панель, пока та вся не окрасилась кровью. Вадик в это время легко перехватил занесенную над ним для удара руку с битой, вывернул ее назад и в сторону до хруста поломанных костей и мощным ударом снизу в челюсть глубоко нокаутировал второго подонка.

Следующим по ходу был кабинет директора издательства. Там в относительной тишине один из нападавших пытался вскрыть большой металлический сейф. Он был так сосредоточен, что, будучи застигнутым врасплох, безо всякого сопротивления позволил друзьям связать себя по рукам и ногам и крепко прикрутить к радиатору парового отопления.

Неприятный инцидент случился лишь в последней комнате, как раз в той, куда Вадим и Снайп заглянули во время своего первого посещения издательства. Там продолжалась ожесточенная драка. Судя по уверенности движений, один из двух оборонявшихся издательских работников – коренастый широкоплечий грузин – был неплохо знаком с приемами бокса. Он сумел даже вырубить одного из бандитов, но силы были явно неравны: трое с битами зажали его в угол, и вот-вот должна была наступить печальная развязка.

Ступив в комнату, Вадик громко свистнул. Все головы разом обернулись к нему. Этого-то как раз и добивался Аракчеев. Только и он не смог все предвидеть. Один из нападавших, самый старший, угрюмый мужчина лет под сорок, мгновенно выхватил из-за пояса пистолет и, не раздумывая и не целясь, выстрелил в сторону двери. Вадима спасла уникальная реакция и годами выработанная способность великолепно управлять своим телом. Еще только заметив настороженным взглядом движение руки угрюмого к поясу, он нырком бросился вперед и в мгновение выстрела оказался на полу всего метрах в полтора от ног стрелка.

Что произошло дальше, вряд ли осознал кто-либо из присутствующих. Просто самый страшный бандит, только что паливший из пистолета, неожиданно застыл в позе огорожденного чучела с вытянутой прямой рукой, а через секунду, не сгибая коленей, плашмя рухнул навзничь, произведя ужасающий грохот. От неожиданности застыли даже двое нападавших с бейсбольными битами. Аракчеев спокойно подобрал с пола пистолет и навел на бандитов.

Один из них тут же отбросил в сторону биту и покорно поднял вверх руки. Другой же решительно и угрожающе шагнул вперед, прямо под оружейный ствол. Однако Вадиму не пришлось решать гамлетовскую дилемму: стрелять или не стрелять. Коренастый газетчик великолепным кроссом в голову уложил бандита на пол.

В наступившей тишине стали слышны сигналы полицейских машин за окнами. Рандеву с представителями грузинского правопорядка никак не входило в планы друзей, и они поспешили скрыться за дверью. Выходя, Виталий произнес единственную фразу, надеясь на полное понимание своих новых издательских друзей:

– Молодцы, ребята! Сумели безо всякой помощи дать отпор наглому рейдерскому захвату.

Аракчеев в это время быстрыми шагами подошел к последнему поверженному бандиту, пощупал пальцами пульс на его шее, притворно огорченно покачал головой и без слов удалился. В подсобке, через которую друзья устремились к черному выходу, Снайп негромко поинтересовался:

– Труп?

– А ты как думаешь?

– Кинжал-то успел вытащить?

– Обижаешь! За тем и подходил. И не кинжал это, ими я в цирке пользуюсь, а усовершенствованный метательный нож «Спица-2». – Вадик отвернул широкий манжет рубашки и показал закрепленный вокруг предплечья мягкий кожаный чехол, разделенный на три узкие длинные ячейки. Из каждой торчала короткая рукоять черного цвета. – Лезвие – 20 сантиметров. От подбородочной впадины – а я точно туда попал – беспрепятственно проникает в мозг.

– Как на самолет протащить ухитрился?

– Извини, что не предупредил тебя. Но благодаря специальному полимерному покрытию эти ножи невидимы для детекторов в аэропортах. Нанотехнологии...

– Сам ты – нано! Рану в его голове никуда не денешь.

– Да этот придурок с пушкой и нас положить мог! А идентифицировать рану от такого ножа далеко не просто.

Они осторожно выглянули во двор и тут же услышали негромкий призывный свист: их встречал Гиви.

– Если вы не желаете попасть в свидетели или в соучастники, надо быстро отсюда выбираться. И незаметно! Вот-вот во дворе будут и журналисты, и полиция. Пока они у главного входа с блеском провели задержание водителей двух автомашин, на которых приехали бандиты. Еще там был какой-то тип. Очень уверенно держался, похоже, он и руководил всей «операцией». – Грузин перевел дыхание и повернулся к Аракчееву: – Мадлобт (спасибо) за дельный совет! Видели бы вы лица полицейских, которые прибыли на место происшествия чуть позже, чем наши друзья-телевизионщики! А внутри-то, внутри что творилось! Все под камерами и на диктофон! Теперь они не смогут обвинить нас. Давайте бегом, здесь проходной подъезд имеется, выйдем сразу на другую улицу...

Все трое покинули опасное место. Когда удалились метров на двести, Гиви сокрушенно покачал головой:

– Вах! Я не знаю подробностей. Торопился вас вывести. Но в холле издательства нашли мертвого Вахтанга – это наш охранник – и Сашу Чантурия. Может, помните, рыжий такой. Но он был еще жив, хотя и без сознания.

– Это бандиты успели натворить еще до нашего прихода. – Вит успокаивающе положил руку на плечо Гиви. – Больше жертв не было.

Грузин покивал и ладонью провел по глазам.

– Да-да, я все понимаю. Сейчас отведу вас на квартиру. Кроме меня, о ней никто в издательстве не знает. Скажу всем, что вы самостоятельно где-то пристроились. – Переключившись на мысли о безопасности новых «латышских друзей», он стал собран и точен в формулировках. – Жилище скромное: две комнатки и кухня. Дом маленький, деревянный, как большинство в Старом городе. Зато есть выходы сразу на три стороны в разные переулки. А еще можно уйти через квартиры соседей. Вы долго собираетесь у нас гостить? Нет-нет, это не праздное любопытство! Мы все хотим вас отблагодарить. Большой праздник устроим на природе. Покажем все лучшее в нашем городе. Он прекрасен! А какие девушки, вах!

Обижать грузина не хотелось, и Виталий ушел от прямого ответа:

– Трудно пока сказать, как пойдет работа... над материалом. Может, неделя или больше... А твоя неоценимая помощь нам, конечно, еще очень пригодится. Будем всегда на связи. Разумеется, только с тобой.

Гиви понимающе кивнул и сосредоточился на дороге. Проходы между домами становились настолько узкими, что приходилось идти друг за другом. Жители этих домов могли, наверное, здороваться за руку через улицу, не выходя из своих комнат!

Пропетляв по деревянно-булыжным лабиринтам еще минут двадцать, друзья подошли к ничем не отличавшемуся от своих соседей деревянному двухэтажному дому с низкими бал-

конами под козырьком и плоской крышей. Гиви распахнул резную дверь и гостеприимным жестом пригласил «латышских коллег» внутрь.

Глава 3

Начальник Центрального департамента криминальной полиции Тбилиси ждал телефонного звонка. Он обязательно должен был состояться, и ему, Теймуру Дадиани, придется отвечать на весьма неприятные вопросы. Это испортило настроение еще со вчерашнего дня. Ночью снились кошмары. Он часто просыпался и явился на службу с головной болью.

Может, ему не стоило звонить первому? Этот вопрос он задавал себе в который уже раз, зная единственно верный ответ: не позвонить он не мог. Потому что нельзя было позволить бесконтрольно распространиться валу информации, которая непонятным образом оказалась в руках этих вездесущих журналистов. Не одного какого-нибудь пронырливого «героя», с которым можно было разобраться по-свойски, а целой своры цепных псов с телевидения, радио, из газет...

Начальник сморщился, как от зубной боли. Как вообще они оказались у этого издательства раньше его полиции?! А это важно сейчас? Конечно, звякнули сами обиженные «коллеги по цеху». Да хрен с ними! Вчера, как только ему стало известно о случившемся, он взялся за мобильник. Пусть озаботятся те, кто обладает большей властью! К тому же именно подконтрольные им люди были задействованы в так неудачно сложившейся акции. Ха, «неудачно сложившейся»! Мягче не скажешь. Это – провал с оглаской, да еще с человеческими жертвами.

Нет, он все правильно сделал. Правильно, уже потому, что никакого информационного взрыва не последовало. Так, легкое дуновение ветерка, приятно щекочущего нервы обывателя. Значит, ТАМ правильно сориентировались и «придавили», поверив его опыту и интуиции. И теперь наверняка обратятся за разъяснениями. А он ответит! Звоните, он ответит!!

Смартфон, лежащий на столе прямо под его рукой, призывно завибрировал. Дадиани, не торопясь, взял его и внимательно взгляделся в большой цветной дисплей. Собеседник не определился. Конечно, как же иначе! Было бы странно, если бы в Специальном оперативном департаменте (СОД) работали по-другому.

– Да! – голос начальника был негромок и спокоен. – Я слушаю.

Наверное, это спокойствие оценил и собеседник, потому что начал весьма вежливо:

– Добрый день, господин Дадиани! Хочу поблагодарить вас за своевременный звонок. Нам удалось, хотя и не без усилий, установить контроль над ситуацией. Но мы-то с вами знаем, что цель нашей акции не была достигнута...

«ВАШЕЙ акции», – подумал Дадиани.

– ...Подчиненные вам детективы несколько дней изучали обстановку, персонал, нюансы внутренней работы издательства «Свободная Грузия». Казалось, все продумано до мелочей. Мы послали на элементарное задание дюжину отборных бойцов из группы «Горные соколы». Причем специально проследили, чтобы в их числе не оказалось действующих сотрудников наших ведомств. Криминальной полиции, прибывшей на место, надо было просто зафиксировать факт столкновения демонстрантов из числа национальных патриотов с работниками полуофициально печатающейся газеты с явной антигрузинской, антигосударственной направленностью. Спровоцировали столкновение, безусловно, газетчики. Ведь так?

– Да.

– Вместо этого началась какая-то... – голос собеседника повысился на несколько тонов и грозил сорваться на крик, – ...какая-то... белиберда! Фантазмагория!! Журналисты, прибывшие раньше полиции (!), обнаруживают весь секретный отряд «Соколов» в нетранспортабельном состоянии!!! Да их там вообще никто не должен был видеть!

– Не я командовал этим отрядом! – возразил главный полицейский. Ему надоело молча выслушивать «наезды». – Да, мои люди тоже входят в группу «Горные соколы», но для меня все случившееся – такая же загадка. Я принимаю все меры, чтобы разобраться в обстоятельствах!

– Успокойтесь, господин Дадияни! Вас никто не обвиняет. Что-нибудь удалось установить, найти канал утечки?

– Мы еще работаем над этим. – Полицейский понемногу успокоился. – Надо учитывать, что поиск теперь приходится проводить в режиме повышенной секретности, а это значительно удлиняет сроки. Хотя какие-то результаты я могу вам доложить.

– Ну-ну!

– Никакой утечки информации в нашем департаменте не было. – Услышав чутким ухом недовольное сопение собеседника в трубке, Дадияни повторил: – Не было! Следователи и детективы несколько часов опрашивали всех участников инцидента. Разумеется, из числа тех, кто мог давать показания.

– Как это понимать?

– Да так, что убитого не допросишь! Еще четверо в больнице. Правда, сотрясение мозга и сломанная рука не мешали говорить. А вот двое – без сознания до сих пор. Это из числа «Горных соколов». С сотрудниками издательства дело обстоит сложнее. Хорошо, что смерть охранника представлена заключением врачей как несчастный случай: человек пожилой, стало плохо с сердцем, упал, ударился об острый угол металлического сейфа. – Полицейский прекрасно понимал, что подобное «заключение» сделано в больнице по прямому указанию из СОДа. – Еще двое в тяжелом состоянии, к ним не пускают. А с остальными приходится работать, как... с коронованными особами в английском парламенте. С кофе и реверансами, черт возьми! Такое впечатление, что к нам сюда слетелось журналистское воронье со всей Грузии! И зорко следят, чтобы, не дай бог, мои сотрудники не отступили от предписанного протоколом допроса.

Дадияни возмущенно перевел дыхание. Его собеседник молчал.

– Может, вы научите меня получать нужные сведения исключительно по протоколу?!

– Но что-то удалось? – представитель СОДа не нарывался на конфликт, и полицейский, успокоившись, вернулся к объективной оценке:

– Издательские, как под копирку, твердят, что стойко и героически отбивались собственными силами. Повторяю: нажать на них я не могу. А вот по рассказам «Соколов» рисуется совсем иная картина. Все они говорят о двух молодых мужчинах, которые неизвестно откуда появились в издательстве в самый разгар операции...

– Погодите-погодите, всего двое против дюжины спецов?

– Именно так! Все покалеченные спецы отмечают их суперпрофессиональную подготовку...

– Спортсмены?

Дадияни отрицательно покачал головой, как будто собеседник мог его видеть:

– Эти двое могли бы убить всю группу! Но убили только того, который начал стрелять. Кстати, убили одним точнейшим ударом длинного, тонкого и чрезвычайно острого предмета. Через подбородок – в мозг.

– Это невозможно!

– Мы показали «Соколам» фотографии всех сотрудников «Свободной Грузии». Этих двоих на них нет.

– Черт побери...

Полицейскому стало жаль содовца.

– Видеокамера на соседнем здании зафиксировала двух мужчин. Лица не видны, но они зашли в здание за полчаса до начала акции.

– И куда делись? – это был глупый вопрос.

– Вы, уважаемый, позвонили слишком рано. Над этим работают две группы следователей. Я жду от них известий. Мы составили отличные фотороботы.

– Господин Дадияни, прошу немедленно сообщать мне о любых подвижках в деле. Что-то не нравятся мне эти пришлые...

А уж как они не нравились самому начальнику криминальной полиции!

Ответы на некоторые вопросы Теймур Дадиани получил довольно быстро, но нельзя сказать, что они его устроили. Двое мужчин, посетившие издательство, оказались латышскими журналистами. Николай Святкус и Валдис Круминыш прилетели в этот день на самолете из Риги, чтобы сделать большой репортаж о жизни грузинской столицы, снабдив его солидной подборкой фотографий. Причем по существующей предварительной договоренности между двумя дружескими странами.

Начальник полиции, конечно, тут же взялся за телефон и убедился, что оба действительно сотрудничают с известными латышскими газетами: «Вечерняя Рига», «День», «Латышская газета», а еще «Бизнес...» и «Спорт-экспресс», но принадлежат к беспокойному клану «свободных художников», не связывая себя договорами и обязательствами ни с каким конкретным издательством. А потому «...вряд ли мы можем сообщить вам их нынешнее место пребывания, как и проблемы, над которыми они непосредственно работают сейчас...».

На высланный в Ригу по факсу фоторобот поступил ответ: «Да, это они заходили в наше издательство».

Идиоты! Да в ваше долбаное издательство мог зайти кто угодно...

Ладно, раз друзья-латыши из газет – плохие помощники, надо искать таинственных суперменов здесь. А тут – облом! Следователи докладывают, что издательские из «Свободной Грузии» действительно не знают, куда подевались так вовремя подоспевшие гости. В гостиницах они не останавливались. Хронометраж времени показывает, что из тбилисского аэропорта «Лочини» мужчины направились прямо в редакцию «Свободной Грузии». Значит...

Да! Кто-то из сотрудников врет. И скорей всего это именно тот, с кем велись предварительные телефонные разговоры из Риги. А это кто-то из руководителей издательства. Но владельца и главного редактора не было во время нападения. Значит, вопрос размещения гостей поручили кому-то из среднего звена, скорей всего связанному с хозяйственной деятельностью.

Начальник криминальной полиции еще раз внимательно с карандашом в руке изучил листок со списком персонала издательства. Вычеркнул рядовых членов: если понадобится, к ним можно вернуться потом. Осталось четверо. Так... так... О, это интересно! Георгий (Геворк) Матиашвили. Для своих – Гиви. Выпускающий редактор. Это он вызвал и встретил полицию, а потом пропал куда-то на целый час. Так что свои свидетельские показания давал самым последним.

Дадиани взял бланк с протоколом допроса свидетеля. Практически ничего о побоище в помещении, зато он единственный, кто дает описание двух автомашин и шоферов. К тому же этот Гиви абсолютно не пострадал. Тоже – единственный. С этим человеком надо поработать вплотную. Вот только снова эти беспардонные и назойливые журналюги со всей столицы! Круглосуточно ошиваются в «Свободной Грузии». Наверняка еще и рассосались по квартирам своих «безвинно пострадавших» коллег. Подставлять своих подчиненных начальник полиции вовсе не хотел.

Пусть-ка этим СОД займется! «Соколы» – это их тайное детище. Вот пусть сами и «порешают вопросы». О методах таких «решений» Теймур не хотел сейчас задумываться, а просто набрал на мобильнике секретный номер своего недавнего строгого телефонного собеседника из Специального оперативного департамента...

Шакал трусливый! Крыса кабинетная!! Сука!!!

Мамука Ломидзе, заместитель директора СОДа, сам удивился вспыхнувшей в нем злости. Первый телефонный разговор с шефом Департамента криминальной полиции Тбилиси не слишком его расстроил. По большому счету, расследовать хулиганскую выходку националистов против оппозиционного издательства – это прямая обязанность городской полиции.

А именно так, благодаря стараниям самого руководителя СОДа, теперь представляется для общественности картина произошедшего.

Ломидзе заинтересовался, так сказать, деталями события. А это, прежде всего, с профессиональной точки зрения – совершенно неожиданные, непредсказуемые итоги потасовки. Из строя в той или иной степени выведена треть состава тайной националистической организации «Горные соколы»! А ведь это блестяще подготовленные профессионалы, бывшие или действующие бойцы спецназа. Черт знает что! Против них была малочисленная группа «книжных заморышей», не оказавших практически никакого сопротивления. И двое приезжих журналистов.

Теперь этот... Дадияни звонит второй раз и практически сваливает на Оперативный департамент всю грязную работу! Мы, мол, расследовали, а вы займитесь оперативкой.

Еще и издевается! Бойтся ручки замарать, трясется за свое кресло. Конечно, не дай бог, журналисты что-то прознают. Чистюля!!

Хотя в душе заместитель признавал справедливость доводов своего собеседника. Назрела насущная потребность в силовых, неформатных методах получения информации и устранения досадных преград. Кто же эффективнее «Соколов» мог действовать в таком режиме?

А еще пошлем-ка мы своего человечка в Ригу...

* * *

По тенистой аллее внутренней территории Реферального центра в Алексеевке уверенно и неторопливо шла девушка или молодая женщина. На ней был строгий темный костюм с юбкой чуть ниже колен, как предписывал дресс-код этого серьезного учреждения. В руках она держала лишь небольшую кожаную папку для документов. Ее превосходные пышные темные волосы были гладко причесаны и стянуты пучком ниже затылка. Практически полное отсутствие косметики на лице лишь подчеркивало природную красоту девушки. Глаза прикрывали легкие модные очки с чуть тонированными стеклами.

Из общежития гостиничного типа для сотрудников, расположенного всего в пяти минутах ходьбы за охраняемой территорией Центра, она направлялась в свой новый рабочий кабинет, на котором только пару дней назад появилась аккуратная металлическая табличка «Гузель Илимова. Психолог. Связи с общественностью».

Фамилия явно указывала на казахские корни ее обладательницы, что полностью соответствовало «легенде». Когда в степногорском Центре, занимавшемся аналогичными с грузинскими коллегами проблемами, произошли загадочные и трагические события, связанные с утечкой смертельного вируса сибирской язвы, было принято решение – не без давления со стороны России – о закрытии некоторых научно-исследовательских направлений и значительном сокращении персонала лаборатории. Гузель Илимова, молодой специалист, недавно принятая в штат, в числе многих других осталась без работы.

Новая Реферальная биолaborатория в Грузии оказалась заинтересована в сотрудниках такого уровня. Тем более что программы научных исследований в обоих Центрах были весьма близки, так как разрабатывались и воплощались при непосредственном участии – и финансировом в том числе – американских специалистов. Так Илимова появилась в поселке Алексеевка в пригороде Тбилиси. И диплом психолога, полученный в Сорбонне, сыграл, наверное, решающую роль в таком переводе: всему миру известно, с каким пиететом относятся американцы к представителям этой профессии.

Диплом, между прочим, был подлинный! В течение нескольких лет Гюльчатай посещала лекции в Париже. Правда, со значительными перерывами, связанными с занятостью в основной сфере приложения ее сил. Но экзамены сдала честно и с блеском.

Галина свернула с ухоженной дорожки, чтобы пересечь по диагонали внутренний двор. На открытом пространстве солнце палило немилосердно. Однако девушка, поглощенная своими мыслями, не замечала его лучей. Что она могла сообщить Талееву в Москву? Ни-че-го. Центр только снаружи выглядел респектабельным и открытым. На самом деле в нескольких трехэтажных корпусах размещались лишь служебные подразделения, официальные кабинеты руководства и суперсовременный зал для заседаний, используемый исключительно для празднично-показательных мероприятий и представительских встреч. Настоящая работа вершилась на нескольких подземных этажах, куда Гюльчатая пока не имела доступа.

«Надо как-то подогнать процесс. Сослаться на необходимость работы психолога в реальных условиях биолaborаторий. Или хотя бы для начала организовать ознакомительную «экскурсию в закрома», – размышляла девушка. – Жаль, что командир запретил идти на прямой контакт с Чочуа, пока его не проверят ребята! Время-то поджигает!»

В этот момент к невысокому складскому барaku под полукруглой рифленой крышей в дальнем углу двора медленно подъехал крытый грузовой автомобиль. Появившиеся из дверей склада грузчики начали расторопно выгружать из него ящики и переносить их внутрь. Водитель вышел из кабины, сладко потянулся и сделал несколько приседаний, чтобы размять затекшие ноги. Неожиданно он так и застыл в полуприседе. Его взгляд был неотрывно устремлен на черноволосую девушку, проходившую по двору метрах в тридцати от него. Она, конечно, не замечала наблюдателя, находившегося на расстоянии и к тому же частично скрытого капотом автомашины.

Несмотря на это, Гюльчатая словно почувствовала сверлящий ее сбоку взгляд и насто-роженно полуобернулась, не сбавляя шаг. Это заставило водителя стремительно присесть за автомобильное колесо. Не заметив ничего подозрительного, Галина продолжила путь и вскоре скрылась за массивными входными дверями Центра.

Шофер рукавом спецовки отер пот со лба, поспешно забрался обратно в кабину и, опустив руки на руль, глубоко задумался о чем-то.

* * *

– Ламара! Ламара!!

Гиви Матиашили задержался в прихожей собственной квартиры, снимая туфли и разыскивая ногой под тумбочкой удобные домашние шлепанцы.

– Анука! Где ты, чертенок?! Кто поможет папе, а?

Неужели жена и дочка еще не вернулись с прогулки? Во дворе он их не заметил. Хотя двор перед их многоквартирным домом большой, длинный, с новой детской площадкой в дальнем углу и удобными скамейками вдоль аккуратных дорожек, обсаженных по краям невысокими саженцами. Неужели все-таки пропустил? Устроились где-нибудь в тенистом уголке... Ну, это если только Ламара, жена, а пятилетнюю дочку и секунды не заставишь спокойно посидеть на месте. Егоза!

Гиви улыбнулся, вспомнив озорное личико Ануки, и заглянул в спальню дочери. Никого. Не слышно и стука посуды из кухни, если бы там хозяйничала жена, накрывая на стол. Матиашили приоткрыл дверь в гостиную и шагнул за порог...

Он не успел даже заметить тесно прижавшихся друг к другу в углу большого дивана своих испуганных домочадцев, потому что откуда-то сбоку, из-за прикрытой створки двери, высунулась мускулистая рука и крепко обхватила его за шею. Одновременно с этим с другой стороны кто-то изо всех сил ударил его дважды кулаком в живот.

Мгновенно перехватило дыхание, острый мышечный спазм заставил Гиви сложиться вдвое. Он упал бы на пол, если бы не крепко удерживающая его за шею рука. Он утробно всхлипнул и тут же почувствовал еще один удар...

Удерживающая голову рука разжалась, и хозяин квартиры рухнул на колени... Он был на грани потери сознания от недостатка воздуха. Его глаза ничего не видели, а до слуха не долетел даже пронзительный вопль жены, который прервался на самой высокой ноте... Удар нанес высокий мускулистый парень с татуировкой святого Георгия и группой крови на обнаженном плече. Он, как и двое других, был в черной маске с небольшими прорезями для глаз и рта.

– Я же сказал тебе: заклей ей пасть скотчем! Не хватает еще соседей переполошить!

Парень, избивавший Гиви, бросился исполнять приказание. Заодно он заклеил рот и маленькой Ануке, которая негромко плакала, прижавшись к боку матери. Теперь огромные черные глаза ребенка с катящимися из них крупными слезами беззвучно взирали на мучителей. В них плескался ужас.

Мужчины, брезгливо морщась, легко приподняли безвольное тело Гиви и швырнули в глубокое кресло посередине комнаты. Потом напарник ловко, быстро и надежно прикрутил широким скотчем его руки к подлокотникам, а грудь к спинке. Подумал и примотал и ноги к низким толстым ножкам и заклеил рот.

– Не задохнется?

В ответ напарник оглядел гостиную и заметил широкую вазу с цветами на комод под зеркалом. Он швырнул букет в угол, а воду с размаха выплеснул в лицо Гиви. Тот дернулся и замычал.

– Живучий!

Мужчина, отдающий приказания, оседлал верхом деревянный стул и склонился к связанному пленнику:

– У тебя есть только один шанс спасти свою семью. Это честно и подробно ответить на все мои вопросы. Надеюсь, ты понимаешь, что произойдет в противном случае.

Он обернулся и чуть заметно кивнул головой. Тут же парень с татуировкой ухватил молодую женщину за волосы, задрал ей голову вверх, а второй рукой одним движением разорвал на ней легкий халатик от горла до подola.

Гиви резко замотал головой, сдавленно зарычал и так отчаянно задергался в кресле, что едва не опрокинулся вместе с ним на пол. Остановил падающую мебель третий участник экзекуции. Он, не говоря ни слова, стал наносить короткие, резкие удары в грудь и живот жертвы. Взгляд Матиашвили остекленел, голова откинулась набок, а изо рта на плечо и грудь потекла струйка крови. Главарь предупреждающе поднял вверх ладонь. Избиение тут же прекратилось.

– Воды! – распорядился он.

Напарник расторопно сбегал на кухню и принес целую кастрюлю воды из-под крана, плеснул в лицо Гиви, приводя его в чувство.

– Урок понял?

Пленник закивал.

– Отлично. Но это последний раз, когда мы ограничиваемся столь мягким внушением. Запомни: я спрашиваю, ты отвечаешь. Ни единого слова больше, никаких просьб и уговоров, никаких объяснений. Ясно?

Дождавшись утвердительного кивка, старший резким движением оторвал скотч от губ жертвы.

– Где находятся сейчас ваши латышские гости? – медленно и внятно проговорил он.

– Они... они... – голос Матиашвили был глух и прерывист, – собирались остановиться в «Ипари» или «Вилла мтиеби».

Он назвал недорогие столичные отели, пользующиеся спросом у приезжих.

Главарь откинулся на стуле и спокойно констатировал:

– Значит, не понял.

Слова послужили сигналом. Напарник быстро вернул скотч на место, а парень у дивана выхватил из-за пояса тесак с длинным сверкающим лезвием и неуловимым движением полос-

нул им по груди Ламары, которую она тщетно пыталась закрывать руками. Нож был прекрасно заточен. Глубокий порез почти горизонтально пересек полуобнаженную левую грудь, задев нежный розовый сосок, и рассек запястье руки женщины. В первое мгновение были видны даже белые края глубокой раны, а потом хлынула кровь...

Зрелище выглядело ужасающе. По всей длине разреза кровь потоком струилась на голый живот. Молодая женщина инстинктивно взмахнула пораненной рукой, и крупные капли крови разлетелись по всей комнате, попав даже на лицо бьющегося в истерике мужа и обильно оросив светлое платье дочери. Изверг с ножом, обойдя диван сзади, ухватил руки Ламары за запястья и с силой развел их в стороны. Практически голая женщина оказалась распята на высокой спинке дивана прямо перед безумным взглядом Гиви.

Старший нагнулся к самому уху Матиашвили и прорычал:

– Ну! Смотри!!! Жена еще оклемается, но следующей будет твоя дочь. Она истечет кровью на твоих глазах за пять минут. Ну?!

Он оторвал скотч:

– Говори!!!

– Остановите кровь! Помог...

По жесту главаря в руках парня снова появился нож.

– Не-е-т! Не... на-до!!! – слова с трудом вырывались из горла Гиви, но потом посыпались скороговоркой: – Они живут в Старом городе. Я сам отвел их туда... Я сам... сам... Я все сделал! И в полицию позвонил тоже я, и журналистов вызвал, и...

– Адрес! – потребовал главарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.